

Лежнев Абрам Захарович

Проза Пушкина

Опыт стилового исследования

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А16

А16 **Абрам Захарович Л.**
Проза Пушкина: Опыт стилистового исследования / Лежнев Абрам Захарович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 416 с.

ISBN 978-5-519-92905-9

ISBN 978-5-519-92905-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ АВТОРА

Давно уже замечено, что писать предисловия — ~~занятие~~ неблагодарное. Либо они повторяют то, что уже сказано в книге, — и тогда они излишни, ~~либо они стараются~~ восполнить то, чего в книге нет, — и тогда они не достигают цели. Если автор не сумел разъяснить свою мысль в целом исследовании, то как он сможет сделать это на полутора страницах? Лишней оказывается книга или лишним оказывается вступление.

Цель настоящего предисловия скромнее. Автор хочет только наперед объяснить установку своей работы, чтобы читатель знал, с чем он имеет дело, и не искал бы в книге, чего в ней нет. Пред ним попытка рассмотреть пушкинскую прозу, как некую целостную систему, как проявление какого-то единого принципа.

Прозу Пушкина (как и всякую другую) можно исследовать в разных разрезах. Мож-

но рассматривать ее со стороны заключенных в ней идей; в частности такой подход как бы сам собой напрашивается, когда пишешь о Пушкине критике или публицисте. Можно изучать Пушкина как бытописателя общества, как изобразителя нравов, как создателя многочисленных типов-характеров. Можно брать его как «момент» в развитии общественного сознания или как звено в литературной эволюции и т. д. Все это так или иначе проделывалось: с разным успехом, с разными результатами. Но меньше всего исследовался вопрос, который надо было бы поставить одним из первых: что же такое представляет собой система изобразительных средств пушкинской прозы? Какому закону она подчинена? Каков ее художественный смысл? Автор и задался целью посылить разобратся в нем.

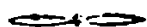
Закономерности пушкинского стиля — вот что является темой его работы. Эта тема не так академична, как кажется с первого взгляда. Можно, разумеется, видеть в стиле только технику слова, а в писателе — ловкого умельца, хорошо знающего известное количество приемов, которые он частью изобрел сам, а частью перенял у других. Тогда стиль — непрозрачная и плоская среда, через которую ничего не видно, род экрана, поставленного художником между собой и миром. Но можно видеть в стиле и бесконечно большее. И тогда в каждой его особенности, будь это даже особенность фразеологическая, просвечивает художник со

своим пониманием искусства и роли писателя, со своим отношением к жизни, со своим взглядом на вещи. Стил*ь* раскрывается не как совокупность формальных признаков, не как гербарий убитых и засушенных приемов, с латинскими и греческими наклейками терминов, а как живое и звучащее целое, как симфония смысла.

Автору трудно судить, насколько такой «подход» удался ему. Он может только сказать, что такова была его установка, его намерение. Конечно, этот угол зрения охватывает далеко не все. Синтетическая работа о Пушкине, которая бы по-новому осветила все его творчество, должна включить в себя совокупность частных «подходов», преодолев их и сплавив в единство.

Автор не имеет претензии на такую полноту охвата. Свою книгу он рассматривает только как материал к такому будущему труду, кто бы его ни создал: отдельное лицо или коллектив. Он будет рад, если она поможет читателю уяснить себе, что такое художество Пушкина и почему оно так сильно воздействует на нас.

ПРОЗА
ПУШКИНА

1

Пушкин обратился к прозе поздно. Его первые статьи появились в 1825 году. Его первая повесть написана в 1827 году, да и та осталась неоконченной. Он был уже знаменитым поэтом, когда читающая публика не знала еще ни одной строки его прозы. Правда, в его бумагах хранились и тогда прозаические наброски, заметки, дневниковые записи, на руках у брата и друзей было немало писем, этих блестящих образцов пушкинской прозы, но наброски и записи были отрывочны и никому неизвестны, а письма являлись достоянием небольшого круга, да и не имели расчета на сколько-нибудь значительную аудиторию. Это все говорит как будто за то, что проза давалась Пушкину нелегко, и он потому так поздно пришел к ней, что период ее выработки сильно растянулся во времени. Естественно было бы ожидать, что его первые опыты резко отличаются от его зрелой манеры. На деле

это не так. Стилъ своей прозы Пушкин нашел сразу. Уже в лицейском дневнике его читаем:

Шаховской никогда не хотѣл учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — не глупый человек, который, замечая все смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, все записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал Нового Стерна: холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль Ломоносов: представил отца русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал Казак-стихотворец: в нем есть счастливые слова, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки.

Он написал поэму Шубы — и все дрожат.

Это написано шестнадцатилетним юношей, и здесь уже налицо все особенности манеры Пушкина-критика, которые впоследствии не раз поражали исследователей: крайняя сжатость, афористичность и конкретность, немедленный приступ к делу и отсутствие отступлений, ясная, насмешливая фраза. «Даже

большая часть всех напечатанных критических статей его, — пишет П. Анненков, — принадлежит к непосредственным впечатлениям чтения и сделана, так сказать, в пылу его... Это не более как собственноручные отметки Пушкина, и характер их проявляется столько же в их сжатой форме, сколько и в содержании, прямо излагающем одну мысль без отступлений и осмотра ее с разных сторон.»

Сравните «Мои мысли о Шаховском» со статьей 1829 года:

Г. Каченовский просидел 26 лет на одном месте, — согласен: но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем не тнался? Г. Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского: но разве он музыкант? Г. Каченовский перевел Терезу и Фальдони: что за беда?

Вас поразит не только общее сходство манеры, но и близость «частных приемов, родство ритма, образуемого повторами и своеобразной структурой фразы, которая разбивается противопоставлением на две части: как бы вопрос и ответ, теза и антитеза. Разумеется, эти «частные» приемы не составляют постоянной принадлежности Пушкина, но они многократно повторяются на протяжении его работы, и характерно, что такую ритмически-организованную, почти стихотворную по тщательности и прозаическую по существу форму выражения он находит именно тогда, когда его недовольство, насмешка, возмущение ищут особенно настоятельно вы-

хода («Торжество дружбы», «О записках Видока»). В тяжелой, в злой иронии тридцатилетнего вы различаете интонации лицеиста.

Но не только способ выражения устанавливается у Пушкина сразу, с какой-то удивительной верностью; в самом существе требований и упреков, предъявляемых молодым критиком, то есть в направленности его внимания, есть то, что будет характерно для взрослого Пушкина. Так, он ставит в вину Шаховскому несоответствие действий его героев и обстановки, в которой эти действия происходят: Ломоносов читает свои стихи в кабаке и немцам, не знающим русского языка. Этот упрек он повторит через двадцать лет, обратив его к А. де-Виньи, заставляющем Мильтона декламировать стихи в «доме непотребной женщины», перед светскими людьми Парижа, не понимающими ни слова по-английски. Мы его услышим в известном замечании о Чацком, который свои умные речи обращает к Фамусовым, Скалозубам и московским бабушкам, что непросительно, ибо первый долг умного человека — знать, с кем имеешь дело. Он лежит в основе большинства суждений о Викторе Гюго. Это острое ощущение несоответствий и несвоевременности, этот реалистический такт — одна из отличительных особенностей Пушкина.

Перейдем ли мы к прозе повествовательной, мы столкнемся там с тем же явлением ранней и как бы сразу давшейся зрелости: